BAPИAHTHOCTЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПРОЕКТ СЛОВАРЯ VARIATION IN RUSSIAN. DICTIONARY PROJECT

Савчук С.О. (savsvetlana@mail.ru), **Гришина Е.А.** (rudi2007@yandex.ru) Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Статья представляет проект нового словаря вариантов в русском языке. Дается предварительное описание состава словника, типов задач, которые можно решать с помощью данного словаря, типы словарной информации, методы ее анализа.

Введение

В статье представлен проект нового словаря вариантов русского языка, который планируется создать на основе обследования состояния норм литературного языка конца XX – начала XXI века. Актуальность этой работы не вызывает сомнений, так как последнее массовое обследование состояния норм на основе анкетирования носителей русского языка проводилось в 60-е годы XX в. Его результаты нашли отражение в четырехтомной коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (М., 1968) и книге «Русский язык по данным массового обследования» (М., 1974). В последующие десятилетия изучались отдельные фрагменты языковой системы, активные процессы в языке конца XX века¹, однако задача сплошного обследования всех «слабых участков» языковой нормы не ставилась. Все современные наблюдения имеют в значительной степени фрагментарный характер, что объясняется прежде всего ограниченностью материала, имевшегося в распоряжении исследователей.

Вариативность тесно связана с вопросами ортологии, поскольку существование нескольких вариантов обычно сопровождается их оценкой с точки зрения сложившихся норм употребления. Вариант может быть кодифицирован в литературном языке, оценен как более или менее предпочтительный, а может остаться за пределами литературной нормы. При этом отмечено закономерное несоответствие: сама вариантность может сохраняться неизменной в течение длительного времени, в то время как ее нормативные оценки меняются, причем достаточно быстро, иногда в течение десятилетий (Граудина 1980).

При этом следует учесть, что основные труды, кодифицирующие и регулирующие употребление вариантов, – академическая² и нормативно-стилистические грамматики³, грамматический⁴ и толковые словари, ортологические словари и справочники⁵ – описывают состояние норм 40-50-летней давности⁶. Современные пособия, как правило, вторичны и компилятивны, в лучшем случае в них обновлены отдельные примеры.

Таким образом, и сегодня остается актуальной задача, сформулированная более четверти века назад: «Должна быть собрана, по возможности, полная коллекция всех основных типов грамматических вариантов и перечней форм-лексем — синтаксических, словоизменительных и словообразовательных, сопровождающаяся необходимыми нормативными оценками. Эта коллекция могла бы лечь в основу полной функционально-стилистической грамматики вариантов, которая была бы полезна как при подготовке новых изданий академической грамматики, так и при составлении ортологических словарей» (Граудина 1980: 272). Поэтому проектируемый словарь-справочник, подготовленный на новом материале, подробно описывающий новые явления и, возможно, дающий новые интерпретации и формулировки существующих правил, несомненно будет интересен и в научном, и в практическом плане.

Особенности жанра нового словаря-справочника

Новый словарь вариантов может быть отнесен к жанру «словарей трудностей» или «правильности русской речи». Однако в отличие от существующих пособий он будет иметь не столько нормативно-предписывающий,

¹ (Грамматические исследования 1989); (Грамматические исследования 1991); (Русский язык в его функционировании 1993); (Русский язык в его функционировании 1996); (Русский язык конца XX столетия 1996); (Русский язык сегодня 2006); (Современный русский язык 2008).

² (Русская грамматика 1980).

³ (Розенталь1965).

⁴ (Грамм 1977). В (Грамм 2003) словник словаря подвергся «умеренной модификации».

⁵ (УРР); (ГПРР).

⁶ Подробный обзор основных трудов, связанных с практической нормализацией грамматики см. в книге (Граудина 1980: 8-62)

сколько объективно-регистрирующий характер и отвечать не на вопрос «Как правильно говорить по-русски?», а на вопрос «Как говорят по-русски». В качестве объективных показателей употребительности или распространенности варианта будут использованы частотные характеристики (ср.: Граудина 1980: 63).

Словник будет составлен с привлечением существующих ортологических словарей, наиболее полно отражающих вариативность языковых единиц и состав конкурирующих вариантов (см. список литературы). Состав включаемых в словарь единиц предполагается ограничить следующими типами вариантов:

- Варианты словоизменения, или морфологические варианты (ко 'рпусы корпуса', жираф жирафа, чая чаю, мяукает мяучит и под.). Круг этих вариантов достаточно хорошо известен, но именно здесь происходят постоянные микроскопические изменения, не заметные невооруженным глазом, которые меняют границы этого круга и вызывают разноречивые рекомендации в нормативной литературе.
- Варианты словообразования (*инструктаж инструктирование, желанный желательный, колонизовать колонизировать* и под.).
- Лексические варианты (бивак бивуак, ветер ветр, кирка кирха, тамарисковый тамариксовый и под.)7.
- Синтаксические варианты: варианты предложного и беспредложного управления (*examь на поезде examь в поезде examь поездом, скучать о ком скучать по кому скучать по ком, ждать автобус ждать автобуса*).
- Акцентологические варианты слов и словоформ (*тво 'рог творо 'г, булты 'хнуться бултыхну ться, на 'чался начался '*).⁸

Поскольку русский литературный язык имеет развитую стилистическую систему, то анализ и оценка вариантов должны производиться с учетом их распределения по функциональным сферам, социальным, профессиональным разновидностям языка и т.д. В частности, варианты, распространенные в разговорной речи, могут быть нехарактерны для книжно-письменных текстов, и наоборот. Эта информация будет включена в состав словарной статьи в виде стилистических помет и/или комментариев.

Кроме того, в справочнике будет последовательно представлен диахронический аспект проблемы: отражены изменения в употреблении вариантов на протяжении XVIII–XX вв., которые выражаются в появлении или исчезновении вариантов, в смене соотношения между ними, в расширении или сужении сферы использования, изменении стилистических характеристик.

Наконец предполагается включить в словарную статью справочно-библиографическую информацию о характеристике слова или формы в основных нормативных словарях. Эта зона словарной статьи даст наглядное представление об изменении нормативных оценок вариантной формы на протяжении истории ее наблюдения.

Состав словника

Словник проектируемого словаря будет сформирован на основе основных лексикографических источников, описывающих с разной степенью подробности те или иные варианты. В состав словника будут включены варианты, которые упоминаются в большинстве существующих словарей и справочников, что может рассматриваться как свидетельство их распространенности и наличия проблемы в правилах их употребления. Кроме того, в словник войдут варианты, появившиеся в недавнее время и не получившие пока лексикографического описания и нормативной оценки, но зафиксированные в устных или письменных текстах. В настоящее время составлен предварительный словник, который будет в дальнейшем уточняться.

Классификация предварительного состава словника необходима с целью определения типов вариантных единиц и разработки типов словарных статей, соответствующих характеру описываемого явления. Некоторые варианты имеют индивидуальный характер (например, семантическое соотношение паронимов ноль—нуль), большая же часть вариантов (акцентологических, грамматических, паронимических, сочетаемостных) образует группы. Следовательно, описание индивидуального слова/группы слов в отдельной словарной статье должно сочетаться с описанием (вероятно, в отдельном разделе исследования) однотипных групп⁹.

⁷ Варианты второго и третьего типа составляют в большинстве своем паронимические пары или группы и традиционно рассматриваются в словарях трудностей, поскольку их семантическое и формальное сходство является причиной частых речевых ошибок, известных под названием «смешение паронимов».

⁸ Эта задача может быть решена в ближайшее время по мере создания и пополнения акцентологического корпуса русского языка в составе НКРЯ.

⁹ Предполагается, что описание синтаксических вариантов будет строиться в виде кратких очерков, описывающих модели синтаксических конструкций: согласования (подлежащего и сказуемого, определения и определяемого слова), обособленных деепричастных и адъективных оборотов и т.д.

Реалистичность проекта

Очевидный вопрос, возникающий практически неизбежно, – располагаем ли мы ресурсами, способными предоставить нам объем материала, который был бы достаточным для получения достоверных данных, и средствами обработки материала, которые позволили бы решить задачу в обозримые сроки? Как представляется, современные электронные корпуса текстов, большие по объему и снабженные сложной лингвистической разметкой, как будто бы предназначены для изучения вопросов, связанных с соотношением узуса и нормы.

Материалом исследования служит прежде всего Национальный корпус русского языка (в отдельных случаях, при необходимости, будут привлекаться другие электронные ресурсы). Национальный корпус дает пользователю срез современного употребления русского языка, поэтому его в какой-то степени можно рассматривать как результат массового обследования, полученный однако не путем анкетирования, как это было в 1960-е годы, а путем целенаправленного отбора текстов¹⁰. То обстоятельство, что большинство изданных текстов, представленных в корпусе, подвергалось редактированию, не снижает их ценности для исследования, так как мы обследуем состояние **норм**, и редактор, корректирующий текст, выступает как носитель действующей нормы. Кроме того, в нашем распоряжении есть тексты, в которых редактирование либо отсутствовало (устная речь, интернет-коммуникация), либо было очень слабым (местная пресса, специальные журналы). Так что возможен сопоставительный анализ распространенности вариантов в разных типах изданий и источников.

Общий объем НКРЯ составляет в настоящее время около 160 млн словоупотреблений¹¹. В нем можно условно выделить две части – современную и диахроническую. Современный корпус составляют тексты, период создания которых укладывается в рамки 1951-2007 гг. Объем этой части корпуса — 97,5 млн словоупотреблений, причем около половины текстов относится к периоду после 2000 г. Диахроническая часть составляет около 53 млн словоупотреблений и объединяет тексты XVIII в. (1,1 млн словоупотреблений), XIX в. (23,7 млн прозы и 2,5 млн в поэтическом корпусе) и 1-й пол. XX в. (25,7 млн).

Лингвистическая разметка (морфологическая и семантическая), которой снабжены тексты и словоформы, и поисковая система позволяют обследовать морфологические и таксономические классы слов, словообразовательные модели, синтаксические конструкции и отдельные словоформы и морфемы. Система метатекстовой разметки корпуса (автор, дата создания, сфера функционирования, жанр текста, библиографическое описание источника) позволяют определить координаты изучаемого лингвистического явления, отраженного в тексте, на функционально-стилистической и диахронической оси. Все эти возможности современных информационных ресурсов делают поставленную задачу вполне реальной и решаемой в обозримые сроки.

Приведем несколько примеров.

Изучение морфологических вариантов

Слово *корректив* во всех современных словарях (Грам, СОШ, Орф) относится к мужскому роду. Соответственно, форма Род. мн. этого существительного должна быть *коррективов*. В словаре ГПРР отмеченная в современных текстах форма Род. мн. *корректив* характеризуется как ненормативная со следующим комментарием: «Иногда нулевая флексия употребляется даже в тех случаях, в которых, казалось бы, она не должна появляться, например ... «Простудное заболевание пока не внесло серьезных корректив в планы государственной деятельности президента» (РТР. «Вести». 1998. 13 мар.). Существительные *закоулок*, *корректив* зафиксированы в толковых словарях в мужском роде и должны принимать в род. мн. окончание *ов*. Однако эти существительные часто употребляются во множественном числе, поэтому исходная форма единственного числа им. падежа многими забывается и по аналогии с существительными, относящимися к потенциальным Pluralia tantum, у этих слов в род. мн. появляется нулевая флексия» (ГПРР, 180).

Данное объяснение могло бы нас удовлетворить, если бы речь шла о единичных случаях. Однако данные НКРЯ говорят о другом. Сплошной анализ контекстов употребления этого слова (всего 442 вхождения) выявил среди них такие, в которых представлены словоформы разной родовой принадлежности. Это формы Род. мн. (коррективов и корректив), Им.-Вин. ед. м. (коррективо), Род. ед. м. (корректива), Вин. ед. ж. (коррективу),

¹⁰ Как отмечала Л.К. Граудина, «метод пассивного наблюдения за устной и письменной речью можно считать идеальным с точки зрения безыскусственности условий собирания материала. Однако он не всегда может обеспечить репрезентативность выборки для вариантов с низкой частотой употребления» (Граудина 1980: 77). Если сравнить объем массива текстов, обследуемых в процессе создания словаря «Грамматическая правильность русской речи» (2 млн слов), с объемами современных корпусов, то замечание о репрезентативности выборки, по-видимому, должно быть пересмотрено.

 $^{^{11}\,\}Pi$ о данным сайта www.ruscorpora.ru на январь 2008 г.

Тв. ед. м. и ж. (*коррективом* и *коррективой*). Количественное распределение форм мужского и женского рода по периодам показано в Таблице 2^{12} .

	XIX в. – 1-я пол. XX в. 49,4 млн	2-я пол. ХХ в. 97,5 млн			
муж.	45	25			
жен.	0	24			

Таблица 2.

Таким образом, почти равное соотношение форм мужского и женского рода в текстах 2-ой половины XX в. свидетельствует о появлении у слова корректив, -а, м. варианта корректива, -ы, ж., и эта пара пополняет группу существительных, имеющих колебание в роде (жираф — жирафа, компонент — компонента и пр.). Хотя объяснение причин возникновения вариантов требует специального исследования, выскажем все-таки осторожное предположение, что причина в данном случае может состоять в том, что во 2-ой половине XX в. это слово, резко повысив свой частотный ранг (из всех 442 вхождений слова в корпус 377 случаев, или 85%, приходится на тексты 1990-х гг., при этом объем корпуса современных текстов всего в 2 раза больше), употребляется в конструкциях с формами множественного числа, в которых снято противопоставление по роду (самая массовая форма — Им.-Вин. мн. — 312 случаев). Поэтому по аналогии с такими словами, как инициатива, директива, инвектива и нек. др., относящимися к книжному слою лексики и встречающимися в сходных контекстах, форма коррективы начинает осмысляться как Им.-Вин. мн. существительного женского рода корректива. Однако это предположение нуждается в проверке на материале всей группы существительных с колебанием в роде, что, кстати, будет способствовать построению прогнозов относительно судьбы конкурирующих вариантов.

Изучение словообразовательных вариантов и паронимов

Следующий пример демонстрирует возможности корпуса при описании соотношений между однокоренными словами в составе группы паронимов *жалобный, жалостный, жалостливый, жалкий*. Различия, по данным толковых словарей, сводятся к следующему:

Возбуждающий, внушающий жалость	Испытывающий жалость, склонный к жалости				
Ж. писк. Жалобно просить.					

Количественный анализ употребления этих слов по различным хронологическим срезам корпуса выявил следующую картину¹³. По каждому периоду в левой графе представлено общее количество употреблений, в правой – частота на 1 млн словоупотреблений.

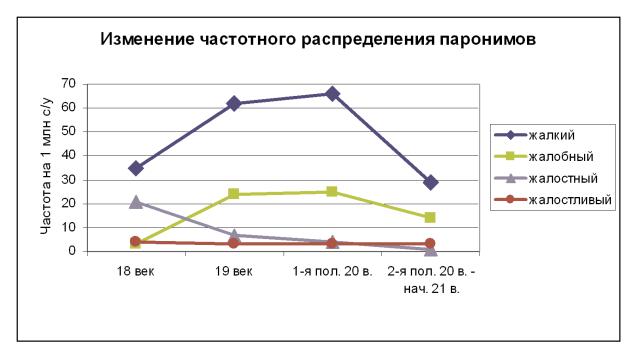
¹² Здесь, как и в других примерах, важно не точное значение количественных показателей, т.к. оно может меняться по мере пополнения корпуса новыми текстами. Принципиальное значение имеет соотношение между количественными параметрами, позволяющее проследить тенденцию и динамику развития изучаемых явлений.

¹³ Рассматривались контексты, в которых представлены не только формы прилагательных, но и наречия, которые составляют примерно половину всех употреблений. Однако из рассмотрения были исключены контексты с предикативом *жалко*, составляющие от половины до двух третей (в текстах 2001-2007 гг.) всех употреблений слова *жалкий*.

		1700-1799 1,1 млн		1800-1899 23,7 млн		1900-1949 25,7 млн		1950-2000 49,8 млн		2001-2007 46,8 млн	
Жалобный		3	3	571	24	641	25	1002	21	338	7
Жалкий		35	35	1474	62	1690	66	2003	41	822	18
Жалостный	'внушающий жалость'	18	- 21	169	7	104	4	97	2	19	0,4
	'испытывающий жалость'	3	21	4	,	5		6		-	
Жалостли- вый	'испытывающий жалость'	4	4	75	- 3	76	- 3	185	4	75	- 2
	'внушающий жалость'	-		7		5		25		19	

Таблица 3.

Изменение частотности рассматриваемых прилагательных в диахронической перспективе представлено на графике.

Жалобный и жалкий показали стабильно высокую частоту употребления на протяжении всего периода, причем частотность прилагательного жалкий значительно выше, что объясняется его более сложной семантической структурой. Напротив, прилагательное жалостный, широко представленное в текстах XIX в., обнаруживает тенденцию к неуклонному снижению частоты, вплоть до значений меньших единицы на миллион словоупотреблений в современных текстах. О чем это может свидетельствовать?

Содержательный анализ контекстов употребления слова жалостный показывает, что из двух словарных значений оно преимущественно реализует одно, а именно значение 'внушающий жалость': жалостный вопль, писк, стон; жалостная песня, мелодия; жалостное зрелище, состояние. Но здесь ему сильную конкуренцию составляют прилагательные жалобный и жалкий (последнее в процессе употребления приобретает в ряде контекстов сильный оценочный компонент), и график показывает, кто побеждает в этой конкурентной борьбе. Что касается второго значения прилагательного жалостный, 'испытывающий жалость', то оно реализуется в незначительном количестве контекстов (в текстах 2001-2007 гг. не отмечено вовсе), и здесь преимущество у прилагательного жалостливый.

Это прилагательное претерпело, пожалуй, самые значительные трансформации. Вопреки тому, что в словарях (Ушаков, СОШ) оно зафиксировано в единственном значении 'склонный к жалости', уже в текстах XIX в. его можно встретить в значении 'внушающий жалость', то есть в одном из значений его ближайшего соседа по паронимическому ряду — прилагательного *жалостный*¹⁴.

По-видимому, это уже свидетельствует не о распространенной речевой ошибке (смешение паронимов), а о формировании у прилагательного *жалостливый* второго значения и об уподоблении семантических структур двух паронимов. Этот факт уже отмечен в (Розенталь, Теленкова 2007), где слова *жалостный* и *жалостливый* приводятся в составе паронимического ряда, оба с пометой *разг*. и с одинаковым набором значений.

Изучение вариантов глагольно-именного управления

Вариантность в этой зоне можно показать на примере группы глаголов *беспокоиться, тревожиться, волноваться, переживать*, которые относятся к одному синонимическому ряду с общим значением 'испытывать неприятное чувство, какое обычно бывает, когда человеку неизвестно что-то важное о ситуации, которая его касается, и когда он опасается, что ситуация изменилась или может измениться к худшему'¹⁵.

Все рассматриваемые глаголы допускают варианты в управлении зависимым существительным, и именно эта вариативность получает в словарях нормативную оценку. Приведем эти описания по данным (Син) и (УРР).

Наиболее полно варианты управления описаны в словаре синонимов (порядок следования моделей соответствует степени предпочтительности варианта).

Словарь	Глагол	Без дополнения	За + Вин. п.	O/Oб/Oбо + Предл. п.	Из-за, насчет, по поводу + Род. п.	Придаточное предложение
Син	беспокоиться	+	кого	о ком	чего	+
	тревожиться	+	кого	о ком	чего	+
	волноваться	+	кого	_	чего	+
УРР	беспокоиться	нет данных	кого /что разг.	о ком/чем	нет данных	нет данных
	тревожиться	нет данных	кого /что	о ком/чем разг.	нет данных	нет данных
	волноваться	нет данных	кого /что	о ком/чем	нет данных	нет данных
	переживать	нет данных	кого /что прост.	о ком/чем разг.	кого /чего	нет данных

Таблица 4.

Как видно из таблицы, рекомендации словарей отличаются в оценке вариантов управления. Так, в (Син) указываются ограничения на семантику управляемого существительного (напр., беспокоиться за + кого: объект беспокойства – живое существо; беспокоиться из-за + кого: причина беспокойства – обстоятельства, события). В (УРР) по сравнению с (Син) более строгие стилистические предписания при более свободных требованиях к семантике. Отвечают ли эти предписания данным, полученным с помощью Национального корпуса русского языка?

Детальный качественный анализ глагольного управления в рассматриваемой группе проведен на основе ручной обработки контекстов употребления этих глаголов в составе нескольких подкорпусов:

• 1800-1899 XIX-художественные тексты; XIX-нехудожественные тексты

¹⁴ Ср.: Лизанька, – сказал Манилов с несколько жалостливым видом, – Павел Иванович оставляет нас! – Потому что мы надоели Павлу Ивановичу, – отвечала Манилова. [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)]. Но тут великий комбинатор принялся молоть такую жалостливую чепуху, что работник связи ушел в другой зал искать посылку бедного студента. [Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок (1931)]. Во 2-ой половине XX в. количество этих употреблений резко возрастает, расширяется круг сочетаемости прилагательного жалостливый. Ср.: С этими словами Панюшкин вытащил из шкафа жалостливого, лысого и во многих местах штопанного игрушечного медведя. [Валерий Панюшкин. За Виню // «Столица», 1997.02.17]. Она то покрикивает на меня, то жалостливо просит пощадить ее, уставшую от ожидания и опоздавшую на обед. [Рубин Евгений. Пан или пропал. Жизнеописание (1999-2000)].

- 1900-1949 XX-1-художественные тексты; XX-1-нехудожественные тексты
- 1950-2005 XX-2-художественные тексты; XX-2-устные тексты; XX-2-тексты электронной коммуникации.

Количественные результаты приведены в (Савчук 2007), здесь остановимся на общих выводах. Анализ соотношения глаголов рассматриваемого синонимического ряда по данным НКРЯ показывает, что доминантой ряда, по-видимому, справедливо считается глагол *беспокоиться* как наиболее универсальный, и это лидирующее положение в группе он занимает на протяжении всего периода.

Глагол *тревожиться*, напротив, самый малочастотный, с тенденцией к снижению употребительности (в устных текстах и в электронной коммуникации он не встретился ни разу). Современным носителем языка он ощущается как книжный, литературный.

Глагол *переживать*, не отмеченный в составе рассматриваемого ряда в (Син), закрепился в языке в значении 'волноваться, беспокоиться о ком-чем-н.' во 2-ой половине XX века. При этом он изменил свои грамматические свойства, перейдя в разряд непереходных. Первые единичные случаи такого употребления отмечаются в художественных текстах 1-ой половины XX века (например, Ильф и Петров, «Золотой теленок», 1927), для текстов 1960-1980-х годов это уже массовое явление, отмеченное, например в (Шмелев 1962, 442).

В современной разговорной речи (в устных текстах и электронной коммуникации) употребительность этого глагола резко превышает употребление всех остальных глаголов рассматриваемой группы. В целом глагол *переживать* сохраняет оттенок разговорности, хотя сферы его употребления стремительно расширяются.

Анализ вариантов глагольного управления показывает, что все глаголы обнаруживают тенденцию к выравниванию моделей управления.

Для глагола *беспокоиться* наблюдается рост варианта управления с предлогом 3A+Вин. п. Для текстов XX века этот вариант практически равноправен с вариантом О+Предл. п. Следует отметить также значительный рост в этот период вариантов с предлогом HACЧЕТ + Род. п.

Для глагола *тевожиться* наблюдается тенденция к сокращению дистанции между вариантами *тевожиться за кого-что/ тевожиться о ком-чем.*

Для глагола волноваться вариант волноваться за кого-что предпочтительнее, чем волноваться о ком-чем, причем на протяжении XX века этот разрыв увеличивается. Однако не следует вообще игнорировать этой модели, как это делается в (Син), поскольку она стабильно представлена в корпусе на протяжении всего рассматриваемого периода, в том числе и в современной устной речи и электронной коммуникации. Следует также отметить активность конструкции волноваться из-за кого и чаще чего (указание на причину).

Для глагола *переживать* предпочтительнее вариант *переживать за кого-что, переживать из-за кого-чего* и реже встречается *переживать о ком-чем,* хотя без дополнения этот глагол употребляется чаще.

В целом можно сделать вывод, что вариант управления V+3A+Вин. п. оказывается более продуктивным, чем другие: на протяжении XIX-XX вв. происходит количественное сближение вариантов V+3A+Вин. п. и V+O+Предл. п. у тех глаголов, у которых в начале периода преобладал вариант V+O+Предл. п. (беспокоиться, тревожиться) и увеличение количественного разрыва у глагола с изначальным преобладанием варианта V+3A+Вин. п. (sonhobambcs).

Сравнивая полученные результаты с рекомендациями словарей и справочников, приходим к заключению, что эти рекомендации выглядят излишне жесткими, не вполне отвечают реальному употреблению, а потому часто не выполняются. В частности, помета *прост.*, приписанная модели *переживать за кого-что* в (УРР) и тем самым запрещающая использовать данную конструкцию в литературной речи, не соответствует реальности: модель широко используется в художественной литературе (Б. Васильев, В. Тендряков, В. Гроссман, В. Чивилихин, И. Грекова, В. Шукшин, А Рыбаков и др.), причем не только в речи персонажей, но и в авторской речи.

Кроме того, результаты анализа контекстов показали, что семантическая сочетаемость глаголов с существительными в составе конструкций более свободная, чем это описано в (Син), шире круг предлогов и союзных средств, позволяющий создавать с этими глаголами различные синтаксические конструкции.

Таким образом, корпусной подход к исследованию вариантов различных типов позволяет провести количественный и качественный анализ вариантов, выявить тенденции в соотношении вариантов, проследить появление новых явлений, их развитие и перспективы, уточнить существующие описания и внести коррективы в рекомендации нормативных словарей и справочников.

Список литературы

- 1. ГПРР Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. М.: Наука, 1976; 3-е изд. 2004
- 2. Грамм 1977 Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977
 - 3. Грамм 2003 Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: 2003
- 4. Грамматические исследования 1989 Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1989
- 5. Грамматические исследования 1991 Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1991
- 6. Граудина 1971 Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматические варианты: Опыт частотного словаря. М.: Наука, 1971
- 7. Граудина 1980 Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980.
- 8. Еськова Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М.: Русский язык, 2003
 - 9. Орф Русский орфографический словарь. М., 2005
- 10. Розенталь 1965 Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1965 //Розенталь Д.Э. Русский язык: Справочник-практикум. М.: Оникс; Мир и Образование, 2007
- 11. Розенталь, Теленкова 2007 Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М.: Айрис-пресс, 2007
 - 12. Русская грамматика 1980 Русская грамматика /Под ред. Н.Ю. Шведовой и др. Т. 1-2. М.: Наука, 1980
- 13. Русский язык в его функционировании 1993 Русский язык в его функционировании: коммуникативнопрагматический аспект. / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев. М., 1993
- 14. Русский язык в его функционировании 1996 Русский язык в его функционировании: уровни языка. / Отв. ред. Д.Н. Шмелев и М.Я. Гловинская. М., 1996
- 15. Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968
- 16. Русский язык конца XX столетия 1996 Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки славянской культуры, 1996
 - 17. Русский язык по данным массового обследования. М.: Наука, 1974
- 18. Русский язык сегодня 2006 Русский язык сегодня 4. Проблемы языковой нормы: Сб. статей. М.: Азбуковник, 2006
- 19. Савчук 2007 Savchuk Svetlana. Corpus-based Investigation of Language Change: the Case of RNC // Proceedings of the Corpus Linguistics Conference CL2007 University of Birmingham, UK, 27-30 July 2007 /Matthew Davies, Paul Rayson, Susan Hunston, Pernilla Danielsson (eds.) http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/final/181/181_Paper.pdf

- 20. Син Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Москва-Вена, 2004
- 21. Современный русский язык 2008 Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2008
 - 22. СОШ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М.: 1999
- 23. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник / Под ред. К.С. Горбачевича. Л.: Наука, 1974
- 24. УРР Розенталь Д.Э. Управление в русском языке. М.: Русский язык, 1981 // Розенталь Д.Э. Русский язык: Справочник-практикум. М.: Оникс; Мир и Образование, 2007
 - 25. Ушаков Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994
- 26. Чернышев 1911 Чернышев В. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики. СПб, 1911
- 27. Шмелев 1962 Шмелев Д.Н. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка. 1962 // Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002.